

Секция «История»

Взгляд на мусульман и ислам в «Казанской истории»

Баранова Ксения Евгеньевна

Студент

Государственный университет - Высшая школа экономики, истории, Москва, Россия

E-mail: karkshusha@gmail.com

В 1552 г. 2 октября в ходе третьего Казанского похода под натиском войск Ивана IV пала Казань. Именно эта победа русских сил ознаменовала собой конец в жизни Казанского ханства, как отдельного и самостоятельного государства.

Не смотря на то, что прошло уже более 450 лет, и данный факт истории, казалось бы, изучен вдоль и поперек, споры вокруг исторических оценок взятия Казани не утихают до сих пор. В отечественной историографии существует большое количество исследований, авторы которых по-разному смотрят на ключевые факторы московско-казанских конфликтов (В.Н.Татищев, П.И. Рычков, М.М.Щербатов, М.Г.Худяков, Н.А.Фирсов, С.М.Соловьев, В.О.Ключевский). Подобная вариативность и многообразие существующих оценок также красноречиво свидетельствуют об актуальности данной темы, как и реалии сегодняшнего дня.

Тема толерантности и традиции отношения к чужому приобретает особое звучание в данном контексте. Исключительную важность приобретает вопрос истоков сложившихся моделей поведения и восприятия не только себя, как части общего целого (части большинства), но и «чужого». Предпосылки, сложившихся моделей терпимости, принято связывать с религиозными пристрастиями сопутствующими той или иной нации/народу. Тем не менее, граница, разделяющая традиции веротерпимости часто проходит, с достаточно грубыми приближениями, вследствие, допускаются существенные погрешности, которые во многом равняют разные ветви одного и того же учения.

Рассматривая «казанский вопрос», главным образом стоит посредством анализа взаимосвязей не только двух этносов и государств, но и двух религий. В историографии известно немало подобных работ, посвященных компаративистическому анализу христианства и ислама, как двух различных религий и культур (П. М. Бицилли, Ф.Кардини, В.В.Бартольд, С.И. Лучицкая, Р.Г. Ланда). Однако при наличии достаточно большого количества сопоставительных исследований обращает на себя внимание отсутствие научных работ, посвященных моделям взаимоотношений ислама с православием, как одной из форм христианства. Существующие исследования, где, в качестве предмета, выступает межконфессиональные взаимоотношения – христианство–ислам, говоря о христианстве, зачастую подразумевают его всевозможные вариации, такие, как православие, протестантизм и католицизм. Таким образом, сложившаяся историография полностью упускает из вида традицию отношения к «иному» в рамках православия. При этом существует большое число исследований посвященных взгляду на ислам католического духовенства.

Но правильно ли полагать, что особых различий, обусловленных той или иной конфессией, не существует? Справедливо ли рассматривать казанский вопрос, отталкиваясь от католического взгляда на категорию «чужого» и примеряя его к русскому православию? В любом случае, даже, если подобная замена релевантна, это требует своих доказательств.

Данное исследование не только являет собой один из частных, но примечательных аспектов терпимости в дискурсе отношений ислама и христианских конфессий, но также дает возможность проверить сложившуюся «традицию», согласно которой христианство (как западное, так и восточное) было в равной степени нетерпимо и агрессивно настроено к иным и отличным учениям.

Также стоит отметить, что, не смотря на, большое число работ посвященных отдельным аспектам религиозной терпимости, на данный момент, как в отечественной, так и в зарубежной историографии отсутствуют работы, предоставляющие адекватные сведения о том, какой характер носили взаимодействия ислама и христианства на территории Московского и Казанского царств XVI в. К тому же, зачастую исследования посвященные взаимоотношениям Московской Руси/ Российской империи и ислама, сводятся исключительно к политическим отношениям между данной религией и ее представителями, вместо того, чтобы рассмотреть это многовековое взаимодействие со стороны верующих и со стороны духовенства.

В данной работе впервые предпринимается попытка увидеть, как именно в памятниках XVI в. рассматривался ислам и репрезентировался образ «чужого».

Выбор «Казанской Истории» (прим. 1564 -1566 гг.: далее КИ), в качестве основного источника обусловлен в первую очередь тем, что само изложение автора КИ позволяет нам увидеть за конвой представляемых событий то, как автор смотрит на ислам. Именно эта особенность во многом определяет исследовательские задачи и методологический подход данной работы.

Обратившись к КИ, путем въедливого и кропотливого анализа текста источника – поиска всевозможных свидетельств, намеками или открытым текстом повествующих об отношении к магометанству, и их последовательной классификации, мы попытались реконструировать некий нормативный взгляд, который был продемонстрирован в КИ, как в нарративном памятнике, репрезентативном для общественных состояний Москвы XVI в.. На основании проведенного анализа предполагается ответить на ряд вопросов: как именно строились взаимоотношения между Московским княжеством и Казанским ханством? Как одновременно смотрели на мусульман вообще и на казанцев в частности?

***

Рассмотренные в исследовании примеры демонстрируют, что наравне с непримиримым взглядом на магометан и по совместительству казанцев, автор КИ также не раз выражает им свое сочувствие и более того – признает их воинскую доблесть и преданность. На протяжении всей КИ встречается множество понятий, подразумевающих под собой приверженцев ислама, но при этом все подобные термины отличаются по своим смысловым наполнениям и не могут равнозначно и релевантно заменять друг друга. Так, как мы выяснили, понятие казанца совершенно не тождественно магометанину, а значит «Казанское взятие» уже не стоит рассматривать лишь в религиозном контексте сложившейся традиции нетерпимости. Таким образом, терминологический анализ понятий КИ, так или иначе связанных с образом казанца и мусульманина ставит под сомнение существующую гипотезу, согласно которой допустимо говорить о единой норме и общей традиции негативного отношения к исламу, распространенного в христианских конфессиях.

Источники и литература

1. Казанская история / Подгот. текста, вступ. статья и примеч. Г.Н. Моисеевой. — М.; Л., 1954.
2. Довгополова О.А. Другое, Чужое, Отторгаемое как элементы социального пространства: Монография. – Одесса: СПД Фридман, 2007.
3. Кунцевич Г.З. История о Казанском царстве, или Казанский летописец. — СПб., 1905.
4. Ланда Р.Г. Ислам в истории России. М., 1999.
5. Плюханова М.Б. Сюжеты и символы Московского царства. - СПб., 1995.
6. Dmitriev M., Seregina A. Two Views on Religious Toleration in the 16th Century: Robert Persons and starets Artemij // Ktre catholique, ktre orthodoxe, ktre protestant. Confessions et identitës culturelles en Europe mïdiïvale et moderne. Études réunies et publiées par Marek Derwich et Mikhaïl V. Dmitriev. Wrocław: LARHCOR, 2003. P. 89-109.